

18+

ТАТЬЯНА ЛОГУШКО

БАЛАШИХА-БЛЮЗ

САРКАСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Татьяна Логушко
Балашиха-блюз.
Саркастический детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68477462

ISBN 9785005920096

Аннотация

О 90-х в Подмоскowie весело, с любовью, но без ностальгии. Приключения Варьки-парикмахерши и её соседей по коммунальной квартире. Главная героиня раскроет пропажу соседа и бандитских денег, а также найдёт свою любовь. 90-е показаны не в «чернушном» ключе, а как время чудес и удивительных открытий для бывшего советского человека. Герои романа – очень разные, и каждый из них по-своему приспособляется к новому времени. Все персонажи – собирательные, но не вымышленные. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ВМЕСТО ЭПИЛОГА	5
ВАРЬКИН ДНЕВНИК	12
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОЗНАКОМИТЕЛЬНАЯ	13
ГЛАВА ВТОРАЯ. ПУХОВЫ	20
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОСТАЛЬНЫЕ	37
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. НОВЫЙ ГОД, ЁЛКА	46
ГЛАВА ПЯТАЯ. «ЧЁРСТВЫЕ ИМЕНИНЫ»	52
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРОПАЖА	57
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ГДЕ ТЫ, ФЕДЯ?	65
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. СЛУХИ	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Балашиха-блюз

Саркастический детектив

Татьяна Логушко

© Татьяна Логушко, 2022

ISBN 978-5-0059-2009-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

(который, как известно, должен находиться в конце, но для удобства повествования перемещен в начало)

Петровна, проклиная домоуправление и свою одинокую старость, поднималась с сумками на пятый этаж. Я стояла с пустым уже ведром в одной руке и с сигаретой в другой у окна лестничной площадки, прислушиваясь к возбужденным голосам собравшихся у подъезда жильцов. В голове мелькнула мысль, что это очередное собрание жилактивва, и надо бы мне спуститься и послушать, о чем говорят, но природная лень не отпускала меня с места вот уже пять минут. Голоса становились все громче, на лицах я с удивлением прочла смятение, что само по себе новость для очередного собрания: обычно соберутся человек пять – шесть активистов, которым на данный момент делать нечего, и собрание сие напоминает в большей степени клуб интересных встреч, так что решением каких-либо проблем и не пахнет.

Была, правда, как-то раз «встреча с участковым инспектором, посвященная борьбе с терроризмом», как было сказано в объявлении на подъезде. Из этой самой «встречи» я ничего нового не узнала. Пожилой дяденька-участковый, носивший симптоматичную фамилию Хамкин, старательно прочитал по бумажке собравшимся о взрывах в Москве и о том, что надо делать с бесхозными предметами, неизвестно как

попавшими в наш подъезд и его окрестности, затем повел неспешную беседу на отвлеченные темы со знакомыми мужиками. Собравшиеся потрепались, покурили, поплевали и, единодушно решив, что «все чурки – сволочи», разбрелись кто куда.

Так что из всего происходящего у подъезда я смогла сделать вывод, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

Петровна, моя соседка по лестничной площадке, наконец-то добралась до места, где я стою, и бросила сумки на пол.

– Уроды, лифт опять отключили, – сообщила она, отдуваясь.

– Из-за этого там такое столпотворение? – удивилась я.

– Не-ет, какое там! – махнула рукой соседка. – Совсем народ с ума посходил. На лавке коробка лежит неизвестно чья, а эти придурки хотят в милицию звонить, думают, террористы хотят наш клоповник взрывать. Кому мы нужны, взрывать-то нас?

– Так сегодня коммуналка расселялась с третьего этажа. Переезжали, вот и забыли, наверное, коробку. Пойду, скажу народу, чтоб не пугались.

– Иди, если тебе охота без лифта туда-сюда бегать, – проворчала Петровна, собрала сумки с пола и пошла к своей квартире.

Когда я спустилась во двор, возле коробки уже суетился участковый. Жильцы стояли плотной стеной чуть поодаль,

опасливо поглядывая на коробку. Видимо, клич Хамкина: «разойдись!» все-таки получил отклик в массах, но на что надеялись люди, стоящие в трех, ну, пяти метрах от «бомбы», осталось для меня загадкой. Даже с моими более чем скромными познаниями в саперном деле можно было понять, что расстояние, отделяющее толпу от коробки, не спасет, если взрыв действительно будет. Думаю, что об этом знала не только я, но любопытство, как оказалось, иногда может заглушить инстинкт самосохранения. Самым интересным стал тот факт, что на коробку, широко открыв глаза, смотрели все, но никто не заметил на ней довольно крупной надписи, художественно выполненной черным маркером. Надпись же гласила: «Варя. Бумажки и пр.». Я подошла к участковому и молча ткнула пальцем в надпись на коробке. Хамкин поскреб подбородок и начал решительно курочить аккуратно заклеенную скотчем крышку. Как гласит русская пословица, верить написанному можно не всегда, в смысле: на заборе известно что написано, а за ним – дрова. Здесь имел место как раз тот случай, когда надписи стоило поверить. В сей достославной коробке оказались действительно «бумажки и пр.», как и было сказано. Лица собравшихся посветлели. Тут же общим решением мне было поручено доставить коробку хозяйке, потому как Варя – моя хорошая знакомая.

«Не делай людям добра – не получишь лишней геморрой на свою задницу», – подумала я, поднимаясь по лестнице

с Варькиной коробкой, которая оказалась гораздо тяжелее, чем я думала.

Варька позвонила сама, чтобы сообщить свой новый номер телефона, как мы и договаривались с ней раньше. Теперь Варька жила в другом районе, который находится ровнехонько на противоположном конце города, так что увидимся мы теперь с Варькой ох как не скоро. Разве на новоселье позовет, что вряд ли.

– Здорово, девушка! Узнала? – заорала Варька мне в ухо из телефонной трубки.

– Как не узнать! Ты у нас теперь герой дня, вернее не ты, а твоя коробка, растяпа!

– Какая коробка? – озадачилась Варька.

– Картонная. Ты забыла коробку на лавке. А люди добрые подумали, что нас взорвать задумали, Хамкина вызвали, кипеж подняли.

– Че, правда, что ли? Ну, едрена-макарона, дают! А чего в коробке-то? – смеется.

– Откуда я знаю?

– Ну, так посмотри сейчас!

– Та-ак... Ща глянем, чем ты собралась взорвать родной клоповник... Бумажки какие-то, тетрадки, квитанции за свет...

– Все, поняла. – Перебила Варька. – Слушай, будь другом, вынеси этот хлам на помойку. Я же собирала-то все что можно, а теперь посмотрела, сколько дерьма всякого с со-

бой навезла, аж дурно стало! Сижу, разбираю и выбрасываю. За этой коробкой я точно не поеду. Так что, выброси это все Христа ради. Ладно?

– Поняла, сделаю.

Мы еще немного поговорили, Варька оставила мне номер своего телефона (чему я была весьма рада, поскольку Варька, помимо того, что человек хороший, еще и замечательный парикмахер, и, кроме нее я свою голову доверить мало кому могу), и распрощались, заверив друг друга в лучших чувствах.

Не смотря на то, что я получила четкие инструкции от Варьки по поводу ее коробки, я все же решила разобраться в ней, чтобы не отправить на помойку что-нибудь нужное. Ничего интересного и нужного я там не обнаружила за исключением одной-единственной тетрадки, которая представляла собой Варькин дневник, как выяснилось при прочтении. В этой тетради ровным неторопливым (как и сама Варвара) почерком был описан небольшой эпизод Варькиной жизни, о котором Варька в многочисленных частных беседах со мной почему-то умолчала, хотя главной темой монологов, которых я выслушала множество за время Варькиного «шаманства с ножницами» над моей головой, была, как правило, ее собственная судьба во всех ее проявлениях вплоть до интимных подробностей (но это уже позже, когда Варька, попыхивая сигареткой, созерцала на моей голове плоды своего труда и отхлебывала чай из огромной

треснутой кружки с надписью «8 марта»).

Надо сказать, что Варька является одной из самых необычных моих знакомых. Как правило, любой человек, невольно или сознательно, старается придерживаться какого-то одного представления окружающих о нем. Некоторые старательно придерживаются канонов того или иного имиджа, естественно, при условии, что он кажется достаточно достойным его носителя, хотя порой это тянет на чистой воды ханжество или просто дешевое актерство, однако речь сейчас не об этом.

Варькин имидж создала среда, в которую она в свое время окунулась с головой и теперь чувствует себя там как рыба в воде. Варькина светлая голова, вместившая в себя кучу бессистемно прочитанных книг, не получила должного применения именно из-за влияния этой самой среды, где не принято было быть умным и выделяться чем бы то ни было в принципе. Варькино поступление в институт было отложено на неопределенный срок, общаться на интересующие ее темы она не могла по простой причине: не с кем, вот и стала Варька тем, что она представляет из себя сейчас. Варька-парикмахерша, Варька – добрая душа, Варька, которая никогда не откажет в помощи, всегда пожалеет и даст в долг, Варька, облакающая свои мысли в кондовые простые слова с примесью жаргона рабочих районов московских пригородов и откровенной матерщины. Всего не перечислить.

Варькин дневник выбрасывать мне было жалко, и я оста-

вила его себе на память. Если на меня нападала хандра или просто нечем было занять себя (что, впрочем, бывает нечасто), я перечитывала записанную Варькой историю.

ВАРЬКИН ДНЕВНИК

Текст передается в том варианте, в котором был записан Варькой, а значит без: каких-либо поправок (за исключением, но лишь в некоторых случаях, орфографического и графического оформления), претензий на литературную ценность и значимость, и, естественно, цензуры

*Один щегол словил на завтрак зайца,
Но, не успев башки ему свернуть,
Был сожран соловьем,
А заяц, скрежеща зубами, продолжал свой путь.
Не так ли, тщась бедовой доли избежать,
Нам остается молча ждать?
(В. Шинкарев, «Митьковские басни»)*

ГЛАВА ПЕРВАЯ, ОЗНАКОМИТЕЛЬНАЯ

Эх, едрена-макарона, с чего ж начать-то? Ну, раз уж решила написать про всю эту лабуду, начинать с чего-то надо... Начну с себя. Зовут меня Варвара. Полу я, епстественно, женского, наружности приятной, нос мне на базаре еще не оторвали, хоть и любопытная я особа, хоть и лезу порой не в свое дело. Работаю я парикмахером. Дома работаю и на выезде. Клиентов у меня хоть отбавляй, всяких-разных: жена профессора одного у меня стрижется, два ди-джея из каких-то модных-премодных клубов малолеточьих, парочка «авторитетов» местных тоже не брезгует, я обычно к ним в сауны подъезжаю, – нормальные мужики, платят даже больше, чем я обычно беру, – я так думаю еще и за то, что рот не открываю про то, что там слышу и вижу. Благо, в свое время я денюжат не пожалела и пошла квалификацию повышать на хорошие курсы. Да и руки, слава богу, у меня откуда надо растут, так что обслуживаю по первому классу за не очень большие деньги. Тем и живу, не скажу, что плохо. Не вот тебе, конечно, но зато своими руками заработанное трачу и отчет никому не даю... Зачем я вообще взялась писать что-то? Честно сказать? Хрен его знает. Может, чтобы самой не забыть этот случай, может, детям интересно будет почитать или еще кому. Все-таки не каждый день такое про-

исходит под носом. Так с чего же начать? Наверное, с Нового года все началось, если уж припоминать все в последовательности. Точно, с Нового года и с моих дорогих соседюшек. Теперь все по порядку.

Живу я в коммуналке одна. Нет, конечно, не одна, раз в коммуналке живу. В смысле, семьи у меня нет, в комнате я одна живу. Был, конечно, муж, как не быть. Нормальный мужик, Витек. Тоже, конечно, со своими заморочками. Как будто два разных человека в нем живут и, как ни странно, уживаются. С одной стороны Витек – пацан еще совсем, с другой – взрослый уже мужик с богатым прошлым. Вырос он, как и большинство из нас, на улице, мама с папой особого внимания не уделяли, что хорошо, что плохо сам решал, свои законы для себя устанавливал. Да и когда его матери было следить за тем, что у него в душе делается, по каким меркам сын живет? Отец у него молодой совсем был, когда погиб, его током убило, он электриком работал. Мать сначала запила по-черному, потом опомнилась, все-таки трое парней у нее. У Витьки еще два брата есть, младший и старший. Житуха у них, конечно, не из легких была, когда они маленькие были. Мать тогда в расчудесное место пошла работать, – в горячий цех на литейно-механический завод, они ее толком и не видели. Смену отработает, потом готовит-стирает, не до детей. В смысле образования олухами они выросли, еле-еле восемь классов закончили. А потом не до учебы стало, потому как жрать хотелось, а в начале девяностых на сти-

пендию не прокормишься, вот и пошли работать братики, кто куда.

Хоть Витька и остался неучем, потемой его назвать, ну, никак нельзя. Читать потому что любил с детства. Все подряд дома читал, потом в библиотеку ходить стал. Нахватался помаленьку и теперь, вроде как, не дурак совсем. У меня в свое время тоже возможности не было выучиться, но читать я тоже люблю. На этой почве мы с Витькой и сдружились еще в пионерском детстве. Потом мы вместе в вечернюю школу пошли, когда уже женаты были. Надо же хоть среднее образование получить! Думали, что потом вместе в институт поступим. Ругались, правда, мы из-за института страшно, все не могли выбрать, чтоб и того и другого устраивало. Витька хотел в историко-архивный, а я в полиграфический. Витька в истории, конечно сечет, как бог, хоть тебе в нашей, хоть в зарубежной. Его можно среди ночи разбудить, даже пьяного, и спросить, когда, к примеру, правил какой-нибудь Филипп Красивый, без запиночки ответит, хоть и обматерить потом может немилосердно, за то что разбудили, конечно. Вот такой мой Витек. Разошлись мы с ним, не сошлись, как говорится, характерами. А чего не сошлись? Да пошел он на эту работу хренову, в казино. Сама же и устроила. Выучился он на крупье не отходя, как говорится, от кассы, стал работать. Только это для дураков сказочки, что раз казино, так и деньги бешеные платят. На деле же оказалось – хрен да маленько. А работенка, доложу я вам, собачья. Это

не в овощной палатке, где можно покупателя обложить и тебе ничего за это не будет. Здесь ровно наоборот получилось: тебя клиент может последними словами обкладывает, а ты стой и улыбайся, потому как не только уволить могут за достойный ответ, но и чего похуже, тьфу, не дай Бог. Известное дело, кто в казино ходит: у кого деньги есть. А у кого они, родимые, есть? Правильно, у бандюков и бизнесменов, что, наверное, уже одно и то же стало. Вот и работал мой Витек за копейки. Воровать он не умеет, да и не хочет, и это правильно. Все бы хорошо, да выпивать он начал на этой работенке не по-детски. Что ни день, Витька на бровях домой ползет. Год терплю, другой терплю, уговариваю, ругаюсь, все бесполезно. Вечером на смену идет, клянется, что завязал на веки вечные, утром его приносят такого тепленького, что лучше бы и не клялся, чего Бога-то зазря гневить! Пришлось ставить вопрос ребром: или я или бутылка. Не помогло. А я рассудила так: баба я еще молодая, детей, опять же, хочется. А какие, к хренам собачьим, дети от алкаша? Подружки мне все мозги проколупали: а где ж, Варвара, любовь ваша хвалена? Была, говорю, да сплыла. Может, конечно, Бог меня еще накажет за гордость, но я так рассудила: когда люди друг друга любят, у них семья и все такое, надо уважения хоть каплю иметь к своей дражайшей половинке. А какое тут, на хрен, уважение, если муж дорогой-любимый, как котенок облизанный, бутылку превыше жены собственной ставит? То-то. Давай, говорю, дорогой мой, разводиться. Ну, он,

понятное дело, как все мужики, начал гонор свой показывать: да хоть завтра, да на хрен ты мне такая хорошая нужна, вздохну свободно и т. д. По стандартному тексту. Само собой, что это только поначалу, а потом, как до дела дошло, другую песню затянул. Мол, давай попробуем «все сначала», да все нормально будет. Попробовали. Четыре дня жили как люди, а потом опять Витюша мой за старое принялся. Разошлись в общем. Всем на удивление развод на него оказал благотворное влияние. Бросил Витька пить! И зарабатывать стал хорошо, не то что раньше. На работе его заметили, продвинули в начальники. Теперь с самим директором (а он мужик о-очень крутой) вась-вась и на «ты». Я поначалу даже обиделась на Витьку. Ну, думаю, паразит, раньше не мог пить бросить! Что ж я ему мешала что ли, получается? А потом со свекровью своей бывшей пообщалась, с Витькиной маманькой то есть. Она меня и просветила, глаза, можно сказать, мне открыла. «Ты, – говорит, – деточка, пойми, что ты его сама и разбаловала. Носочки стирала до хрустального блеска, лучший кусочек подсовывала, облизывала, как кошка... С мужиками, Варенька, так нельзя. Чем их больше мордой об батарею водишь, тем они шелковее становятся. А ты ему даже на работу самостоятельно устроиться не дала, пошла и сама устроила. Разве так можно?» Ну, думаю, коряга старая, поглядела бы я на твое личико, если бы я начала твоего сыночка любимого «мордой об батарею водить»! На работу я ему не дала устроиться! Сколько нужно мне было еще

ждать, пока он сам до этого додумается? Полгода ждала, терпение вышло... Так что, плюнув мысленно свекрухе своей в ее, с позволения сказать, лицо, отбыла я восвосяи в свою законную комнату. А с Витькой отношения у нас сохранились отличные. Многим они не шибко понятны, все-таки, «бывшие», то да се, но нам на это плевать. Сейчас дружим с ним, пока он еще не женился. А там уж, какая жена попадетя, может и не понять наших с ним теплых отношений. Так что, одна живу.

А соседей, конечно, навалом. Комнат-то у нас в квартире пять, в каждой люди живут. Живем мы дружно, хорошо живем, помогаем друг другу, не собачимся почти, в общем, как люди живем.

В самой маленькой комнате живет Оксанка. Хорошая девушка, башки только нет. На хрена ей было с родителями разъезжаться, чтоб остаться с ребенком в комнатухе, никак в толк не возьму. Подумаешь, родила без мужа! Конечно, мать ругаться будет и переживать... Ну не вечно же она ругаться будет, простит, никуда не денется. Поможет, глядишь. А тут сидела без работы, дуреха, без денег, ребенка пристроить некуда, чтоб работать пойти. На пособие матери-одиночки жила. Безвыходных положений не бывает, вот и мы с ней выход нашли. Я Витьку попросила, чтоб он ее к себе в казино взял работать, он теперь там в начальниках ходит, не то что раньше. Теперь посменно Оксанка работает, две ночи через две, рулетку крутит. Удобно. Пока ее нет, я за мелким присмот-

рю. Парень у нее замечательный, Васькой зовут, ему скоро четыре будет. Шустрик. Одно плохо. Натрепала ему эта дура-Оксана, что папа его их не бросил, как бабушка говорит, что папа приедет скоро, если Васенька себя хорошо вести будет. Ну, на хрена так делать? Лучше б вообще ничего не говорила. Теперь парень к каждому мужику незнакомому, кто ни зайдет, пристаёт: «Ты мой папа? Почему не ехал долго?» Мужики, конечно, отмазываются как могут, но не вечно же это продолжаться будет. Может, я так рассуждаю, потому что у меня своих нет, но когда эти самые «свои» появятся, я буду очень стараться их не обманывать.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПУХОВЫ

Ну, так вот. Идем дальше. В смежной комнате с моей живут двое чудиков. Федя и Люба Пуховы. Про Федю еще отдельный разговор будет. А про Любку, если честно, и говорить не хочется. Можно, конечно, ее стервой назвать, но язык не поворачивается: не доросла она до этого высокого звания, мозгом, как говорится, не вышла. Дура она, злая к тому же. А уж темная! Ну, ей-богу, как из джунглей выползла! Были мы с ней как-то в районе Красной площади, не помню, что там нам понадобилось, видимо, купить надо было что-то, потому как Любаню просто погулять не вытащишь. Понятия у нее такие. Раз замужняя баба, без мужа на прогулку нельзя выйти, пусть даже и днем, пусть и с соседкой, а то «люди оговорят перед мужиком, не отмоешься». Зато, если эта самая прогулка сопровождается походом по магазинам, все путем пройдет в смысле этих самых людей, — ничего плохого не скажут. Меня в таких случаях всегда мучил вопрос: а как они узнают, заходим мы в магазины или просто так ходим по улице? Агентура, наверное, у «людей» развита не хуже, чем в ФБР, ведь проследить наши зигзагообразные маршруты мне, например, кажется невозможным. С другой стороны, не видеть, как Любка пристаёт ко всяким разным мужикам, стоит нам только зайти в какую-нибудь кафешку, чтобы кофейку попить и просто отдохнуть, для лю-

бого, даже самого занюханного и вдрызг пьяного агента – позор и необходимость сменить профессию. С другой стороны, можно и не ломать себе голову над странностями приставленных неизвестно кем и неизвестно зачем сыщиков, потому что в итоге их просто в природе не окажется, что справедливо. Просто Любка, как я уже говорила, – тундра не огороженная, отсюда все недоразумения. Вообще, я с Любкой ходить не очень люблю, честно признаюсь. Нет, не потому, что она некрасивая или одета не так. А по той же причине – тундра. Беда еще и в том, что не умеет мадам Пухова, да и не желает, проводить хоть какую-то грань между поведением на кухне и на улице. Каюсь, сама грешна, люблю порой душу отвести крепким словцом, но дома, но не при детях, но не при посторонних, но не во весь голос, но... Да мало ли этих НО! Короче, у Любани все наоборот: с Васькой Шляпиным без мата не общается, в людных местах Пухова не может без пошлых матерных анекдотов и воспоминаний в подробностях их с Федором интимной жизни. Епстественно, все это выдается мне и окружающей публике так, что затрепанный рекламой «бум-бокс» просто тихая погремушка в руках сонного малыша. Названия некоторых частей тела, как мужских, так и женских, (как без них?) в Любкиной *интерпретации* (во, блин, словечко я нашла... А все Витек виноват вот в этой вот мешанине слов, которая в моей голове творится. С кем поведешься, от того и забеременеешь, тьфу, не дай Бог) звучат так, как и должны они звучать в народном исполнении,

но только, повторяюсь, не в присутствии детей.

Про мужиков в кафе я вообще молчу. Представьте себе, сидит какой-нибудь прилично одетый дяденька (других Любка, как объект охоты исключает), спокойно и интеллигентно трескает шашлычок, запивает пивом, короче, обедает и отдыхает от суеты своего офиса в ненапряжной обстановке. Ничего, промежду прочим, не подозревая. После, примерно, второго (уже доедающих обед, и, соответственно, спешащих, Пухова в расчет не берет) съеденного им куса Любка начинает представление театра одного актера, как Витек однажды выразился, когда это все увидел своими глазами. Ну вот. Встает, значит, Любка из-за стола и летящей, в соответствии с габаритами, походкой направляется к одиноко сидящему дядечке. Без разрешения гнездит свою недвижимость на соседний стул и сладеньким голоском просит прикурить. Дяденька, само собой, отказать не в силах, протягивает Любке зажигалку или сам любезно подпаливает ее сигарету, стараясь глядеть в свою тарелку, а не Любке в глаза. Если доводилось смотреть дешевую немецкую порнушку перестроенных времен и умудриться разглядеть выражение глаз актеров в момент произнесения знаменитой фразы: «я... я... дас ист фантастиш...», знайте, что Любка достигла невероятных высот в подражании этому самому выражению. Это еще не все, это только начало. Так как глядеть Любке в этот момент в глаза – удовольствие сомнительное, мужик старается взгляд отвести на стол, где стоит его тарелка, но с ужа-

сом выясняется, что тарелке на этом самом столе отведено уже совсем мало места, потому как основное пространство стола занимает Любкин бюст, в цветной трикотаж затянутый и, по Любкиному мнению, оттого еще более привлекательный. Как может отреагировать нормальный мужик? Вариантов много, но все они сводятся к единой формуле: с Любкой еще ни один не завел знакомства таким макаром. Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. До слез мне жалко было Любку, когда я глядела на очередного улепетывающего из Любкиных коварных сетей дядечку. И на фигу ей так себя вести, никак я в толк не возьму. По моим меркам, мужику рога не так идут, как на первый взгляд кажется. У Любки на этот счет другое мнение. Она постоянно находилась в творческом поиске, но не ради спортивного интереса или необузданной и страстной своей природы, не потому, что Федор мало ей внимания уделял, как женщине. Любка хотела денег. И не просто денег, а больших денег. С детской наивностью эта, с позволения сказать, корова примеряла на себя черкесское седло, то есть считала, что она в состоянии стать украшением быта, дома и вообще всей жизни радостью для того, у кого эти деньги есть. Спорить с ней бесполезно, поэтому я большей частью помалкивала в тряпочку. Стыдно, конечно, иногда мне было за Любкино непотребное поведение в общественных местах, но отказываться ходить с ней куда-либо, как это в свое время сделала Оксанка, я не собиралась. Нельзя же так на раз из соседки прокаженную

какую-то делать, ей-богу! Витька, кстати, был в этом вопросе целиком и полностью на стороне Оксанки. Мое же намерение почаще выводить Любку в свет и тактично корректировать ее жуткие манеры Витя объяснял «вечным стремлением лепить из говна конфету». Я, конечно, отбрехивалась от него, дескать, из него я так ничего и не вылепила, но это все только слова.

Ну, так вот. Отвлеклась я. Был один случай, когда я сумела воочию убедиться в том, что Витька не так уж и не прав. Понесло нас в белокаменную, и не куда-нибудь, а в самый, что ни на есть ее центр. Казалось бы, сердце нашей Родины, центр столицы и вся фигня. Но нет, для Любани это историческое место связано только с одним памятником архитектуры (Боже, вот это я загнула...) под названием ГУМ. Что ж, думаю, каждому свое, ГУМ так ГУМ, хорошо, хоть этот кусочек Москвы ей знаком. Чудеса начались потом.

– Ва-арьк, – говорит мне мадам Пухова. – А почему это на церкви часы? И креста нет...

– Где? – спрашиваю.

– Да вот же! – и показывает на Спасскую башню!

Ну, не смогла я Любке ответить, почему часы на церкви, хоть убейте. Я, конечно знала о том, что Любка, прожив восемь лет в Питере (за каким хреном ее туда занесло?) в Эрмитаж так и не удосужилась попасть, ладно, оставим Эрмитаж эстетам. Но как Любка не узнала куранты, имея пристрастие выслушивать новогоднюю речь президента от нача-

ла до конца, а потом пить под бой несчастных этих забытых Любкой часов шампанское! Но дальше становилось все чудесатее и чудесатее.

– Варюх, а вот это чего за домик с лошаdkами?

– Какой? – говорю и уже жду подвоха.

– Да вот этот, старинный, с колоннами. Сейчас таких не строят... Вот бы нам таких лошадок на крышу!

– Рот закрой, не ори. Это ж Большой театр!

– Да ну! Правда?

– Правда, – отвечаю.

– А педикки здесь собираются?

– Кто?!

– Ну, эти... Гомики.

– Не знаю! – рявкнула. – Тебе-то какая разница?

– В газете читала, – Любка гордо так заявляет. – Пошли, поглядим, а Варь?

– Сдурела?

– Ну, интересно же, – ноет. – Пойдем.

– Мне неинтересно.

– Я думала, ты культурная, интеллихэнтная женщина.

– Поэтому мне надо тащиться в садик к Большому театру и разглядывать прохожих?

– А чего их разглядывать! Чего я педиков не видела! Их же сразу отличишь!

– Если ты их видела, чего ж на них смотреть?

– Это были другие, про них в газетах не пишут.

– А в чем разница?

– Ну, Варь, мы, как культурные, можем хоть раз посмотреть своими глазами на то, о чем в газетах пишут?

– Можем. Тебе надо, ты и смотри, а я домой поеду.

– Мы ж в кафе собирались!

– Вот и выбирай: или педики или кафе.

Жрать хотелось, поэтому Любка выбрала кафе.

Вот она какая, наша Люба Пухова. А если коротко, то о Любке можно сказать следующее. Задача: быть американской миллионершей со всеми вытекающими последствиями (как то: рауты, яхты, приятное общество, светская болтовня у камина и пр. и пр.). Вопрос: какого ж хэ тебя понесло замуж за сантехника из славного ЖРЭУ-4?

Ответ: шкурный интерес, подмосковная прописка вместо саратовской, отдельное гнездо в перспективе, да и мужик Федор непьющий... почти, веселый, добрый, а главное – терпеливый. Любка его пилит-пилит, а он терпит и не распиливается. Другой бы в ухо дал, а этот терпит. И по бабам не ходит, что не удивительно в свете событий, произошедших в его судьбе до женитьбы на Любке. Я-то Федора знаю давным-давно. Сначала мы с ним жили в одном доме, когда я еще с мамкой жила, а потом в одной коммуналке оказались по воле случая. Хороший он мужик, но дар влипать в щекотливые истории у него превышает всех его других талантов. Вот пример одной из них.

Мой сосед Пухов – явление отнюдь не из ряда вон выхо-

дяде, скорей наоборот. Таких вот мужичков «приятной наружности, вот такой окружности», с прокуренными усишками и масляными глазками в любом рядовом спальном районе – пруд пруди. Они неспешно потягивают пиво из майонезных банок около ржавых ларьков, выгуливают тощих собачонок, выбивают ковры по субботам, а накануне Международного Женского дня возвращаются домой на бровях, удерживая равновесие только благодаря желанию донести до дома поникшие тюльпаны и бутылку шампанского (но это в лучшем случае). Эти люди живут, мыслят и чувствуют такими категориями, которые совершенно не укладываются в моей голове, а потому представляют для меня интерес.

Наш дом был выстроен «из сэкономленных материалов» строителями (а кем же еще?) для самих себя. Не знаю, кто и для кого «экономил» эти самые материалы, но их явно не хватило на то, чтобы довести до ума это славное строение из серого силикатного кирпича. Моя мама долго пила валерьянку (от удивления, наверное), когда увидела страшные темно-зеленые обои, поклеенные не просто криво, а по диагонали, и оконные стекла, искажающие мир за окнами так, как видели его напичканные ЛСД ее кумиры Битлы в лучшие времена. Но валерьянка быстро закончилась, и мама вновь обрела уверенность в себе, как и подобает новоиспеченной хозяйке первой в жизни «своей квартиры».

Еще не убрали строительный мусор, а краска в подъезде едва высохла, бортовые ЗИЛы начали съезжаться к един-

ственному подъезду и выбрасывать из своих брезентовых недр тючки, чемоданы, узелки и проч. Какие-то тетки с красными озабоченными лицами усердно тыкали в кнопку не работающего еще лифта, горестно вздыхали и топали, топали по своим этажам пешком. Объединенные общими проблемами, люди знакомились быстро. То здесь, то там возникали «междусобойчики» в преддверии глобальных празднований новоселья (с родственниками, друзьями и всеми вытекающими последствиями). Возникали «соседские общины», не такие прочные, как общажно-коммунальные, но достаточно сплоченные для совместных гулянок и взаимных обменов «драгоценными» электроинструментами и умными советами. Новоселов, приехавших с новой мебелью, было мало: народ переезжал в основном из рабочих общежитий и коммуналок. Повезло мне или нет, но я тогда еще не знала, что такое коммунальная квартира, хотя мы и жили до переезда вдвоем в «двушке». Бабушкины – дедушкины ветеранские льготы (открытки на мебель), папина должность в Госстрое и «касса взаимопомощи» на маминой работе помогли нам вселиться в новенькую вкусно пахнущую «треху» сразу со всем новым, исключая тяжеленное мамино пианино. Будучи ребенком общительным, через месяц-другой я уже знала всех жильцов нашего дома, знакомила мою бабулю с бабулями моих новых подружек и была счастлива мыслью о том, что я уже ужасно взрослая и пойду в первый класс. Несколько квартир в нашем доме интересовали меня в большей сте-

пени: я не знала их хозяев, туда никто не переезжал, хотя какие-то люди периодически появлялись. В конце концов, одну из них неизвестно у кого снял молодой одинокий военный (не без моей помощи к нему пристала кличка Эклерчик, после того, как он в подпитии раздавал детям пирожные на лавочке у дома), а еще в одну (не помню когда, но уже много позже) въехала чета Пуховых. Да-да, я не оговорилась, именно «чета», потому как Федор тогда был женат первый раз. Нормальные люди, жили как все, ничего такого за ними не замечалось.

Не знаю, почему, Пухов увидел во мне «своего человека» (по его же выражению). Если бы мне было пятнадцать, наверное, это мне польстило, а в реальные двадцать с хвостиком несколько напрягало. В тот период мне ни до чего было: с Витькой житуха наперекосяк шла, со свекровью поссорилась, пришлось нам к моей маме переехать на время. Не то чтобы я черствый и неотзывчивый человек, но едва ли не каждодневные предложения соседа выпить вместе или поговорить «за жизнь» (часто, и то, и другое вместе), мягко говоря, заколебали. Пухов не обижался, если я отказывала ему в посиделках, извинялся и уходил, но через час – полтора возвращался в состоянии еще более «элегантном» и тут-то уже нарывался на крепкое словцо (хоть и барышня я, хоть мне и конфузно) и уходил домой окончательно, до следующего раза. Разумеется, не всегда наше общение происходило таким образом. Периодически он приходил ко мне стричься

или пить чай на балконе (летом, само собой). Его супруга избегала моего общества, хотя никаких авансов мы с Пуховым друг другу не делали, нам бы и в голову не пришло ничего такого. О жене Пухова я знала все или почти все, разумеется, со слов самого Пухова. Характерной особенностью его пространственных повествований о своей жене было то, что он ни разу не сказал про нее грубого слова или был недоволен ей. Пухов всегда хвалил свою Дарью и заочно признавался ей в любви. Говорил ли он ей такие нежные слова что называется «в глаза» – не знаю, врать не буду, но при мне бывал красноречив не в меру.

Пухов, кстати, вообще поговорить любит, а «женский вопрос» для него всегда был во главе угла. Ну, считает себя человек знатоком душ человеческих (в смысле – женских)!

Сидит как-то раз этот доморощенный философ у меня на кухне замотанный клеенкой и, вертя не достриженной еще головой, заявляет:

– Знаешь, я тут на досуге подумал и решил, что скучно мы с Дашкой живем.

– Оп-па! Че это ты так заговорил, Федь? Развей тему... Только не вертись, а то ухо отрежу.

– Какая-то она у меня... тихая, без огонька что ль. Не вякнет на меня просто так никогда, не кобенится. Вот какое кино не посмотришь, всегда там бабы такие... с заходами. Все у них как-то живенько получается, стремятся мужиков под себя подстроить, а хитрости в них сколько, о-ё-ёй! Сканда-

лят даже по-другому, все с вывертом! А для чего?

– Ну и? – бубню, орудуя ножницами.

– Чтоб интересней жить было! Такую мужик никогда не бросит.

– Это почему?

– С такой бабой телевизора не надо, сама спектакли разыгрывает. Не то, что моя. Не орет, не просит ничего... Смеется и то как-то вполголоса. Скучно.

– Иди ты, Федь! Тебе ли жаловаться! Правильно бабка моя говорила: все мужики без пиздюлей, как без пряников.

– Мож она и права, – вздохнул Пухов.

– Не «мож», а права.

– А мне-то что делать? Хочется же чего-то такого, а Дашка не соглашается.

– На что не соглашается?

– Ни на что. Одним словом, безжизненная она какая-то. Не могу я ее растормошить.

– А ты и не тормоши, ей без твоих тормошений дел хватает. Она за день так набегается, что ей не до твоих умозаключений об «огоньке».

– Во! И тебя туда понесло. Подумаешь, набегается! Я тоже на работе устаю, – обиделся Пухов.

– Дурак ты, Федор! Живи спокойно.

– Спокойно – скучно. Обидно жить и думать, что у тебя жена – серая масса. Я ее растормошу.

– Как бы она тебя не растормошила.

– Она не сможет.

– Сможет... Готова твоя прическа.

– Не сможет, – упрямо повторил Пухов и, гордо шаркая шлепанцами, удалился домой.

Даже чай пить не стал, обиделся, наверное.

Я бы и не вспомнила об этом разговоре, не произойди в нашем доме история, надолго запомнившаяся местным ку-мушкам-бабушкам.

Смысл занятий домохозяйки днем – подготовка к вечеру, когда прибудет с трудовой оплачиваемой вахты остальная часть семьи. Вот я и вкалывала в семейном гнезде. На каком-то этапе моих «домомучений» в открытое окно моего обиталища ворвался почти нечеловеческий крик, исполненный неподдельного страдания, то есть матерный. Я выглянула в окно, и увиденное заставило меня сомневаться в моей психической полноценности. По двору усталой походкой ходила толстая голая баба лет сорока, орала и снимала с мокрых веток шиповника какие-то тряпки. На пьяную она никак не походила, уж больно ловко у нее все получалось, да и орала она хорошо поставленным голосом с хорошей дикцией. Я замерла, раскрыв рот от удивления, не зная, что предпринять. Да и что, собственно, предпринимают обычно в таких случаях? На вопрос самой себе, почему такое происходит перед моими окнами, просился только один возможный ответ: по кочану. Пока я терялась в догадках, женщина прервала свои стенания и начала облачаться в собранные на ку-

стах тряпки, оказавшиеся, как ни странно, обычной одеждой. Она оделась и ушла. Вот так просто: оделась и ушла, плюнув в сторону нашего подъезда. Тупо глядя ей вслед, я пыталась захлопнуть варежку еще минут эдак пять-шесть. Ладно, дело не в этом.

Часа через полтора заваливает ко мне Федя. Смотреть на него было страшно. Как говорится, подранный везде и духом бледный. На мой участливый вопрос, что же все-таки произошло, он дико замотал головой, затем развернулся на сто восемьдесят градусов и умчался. Вернулся с бутылкой. В порядке исключения разрешаю выпить у меня на кухне, поскольку видок у него – закачаешься. Постепенно Пухов пришел в себя; водка ведь не только вред людям приносит.

– Поняла? – спросил и стал крутить в руке соленый огурец.

– Чего поняла?

– Дурак я, Варь, вот чего.

– Ты заканчивай мастурбировать огурцом и расскажи по порядку.

– Ты не говори такие слова сегодня, – вздрогнул Федор. – Я после сегодняшнего не то, что ЭТО, я ссать как баба начну.

– Почему? – я тихо начинала офигевать от происходящего.

– Я его больше в руки не возьму...

– Слушай, Федь, не тяни резину, в конце концов!

– Ну, бабу я привел, вот что! – Пухов обхватил голову

руками.

– А вид почему такой? Не склалось, что ль? Дык это фигня, не ты первый, не ты последний, – попыталась я утешить соседа.

– Ага! Жди. Получилось! ЕЩЕ КАК!

– Я тебя тогда совсем не понимаю. Ну, привел, ну, получилось... И дальше чего?

– Ладно, – вздохнул Федор, – скажу тебе, как другу, только ты молчи, не говори никому.

– Ты меня уважаешь? – задала я нетленный русский вопросище.

Пухов хмуро кивнул и заговорил.

– Понимаешь, день рожденья отмечали на работе. Там, у бабы одной... Выпили, туда-сюда, слово за слово, радио включили, танцы... Ну, я бухгалтершу нашу пригласил на этот, как его, белый танец, что ли. Выпили потом еще. Много. Я взял и пригласил Ольку, бухгалтершу нашу, домой ко мне, в смысле чаю выпить. Дашка моя уже вторую неделю у матери в Курске, я один. Скучно в общем. Ну, слиняли мы с Олькой под шумок ко мне. Ночью не помню почти, что было. Утром глаза продираю: мать честная! Шмотки валяются, ковер на одном гвозде висит над кроватью... Пиздец... полный! Олька тоже проснулась и улыбается лежит. Я на нее поглядел-поглядел. А она красивая баба вообще... Ну, я и к ней опять. Все, вроде, нормально у нас. А в самый красивый момент Дашка заходит, прикинь! И ведь тихо так

зашла, что я ее не сразу заметил! И знаешь, чего она сделала? Пошла на кухню, взяла щипцы бельевые и аккуратненько так все шмоточки Олькины собрала ими и в окно пошвыряла! Я спокойно свое дело делаю, Олька верещит, аж стены дрожат, и вдруг вижу, что кто-то по комнате ходит! Даже пальто с сапогами умудрилась вышвырнуть! А потом выволокла Ольку из-под меня и – за дверь... Я, конечно, к Дашке. Думаю, хрен с ней, с Олькой, когда жена родная так застучала. Ушла Дашка. Вещи собрала и ушла к подружке. Самое веселое, что мать моя в курсе событий. Дашка все тряпки с кровати собрала, матери моей отнесла, стирай, говорит, колода старая, сама за своим выблядком! Че делать-то теперь, Варь?

Я закрыла лицо руками и молчала. Меня душил хохот, а рассмеяться было – все равно, что плюнуть Пухову в его грешную душу. Я собрала остатки мужества в кулак и, сделав серьезное лицо, встала из-за стола и подошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу и посмотрела на мокрый от мартовского снега двор. Я почти успокоилась и уже могла членораздельно произносить слова.

– Мудак ты, Пухов. Говорила я тебе, не тормози жену, хуже будет.

– Да-а... Я знал, что ты это скажешь. Только я ж не нарочно, так получилось. Самое обидное, что никогда, веришь, до этого не изменял Дашке. Она не верит. Разводиться хочет. – Федору стало совсем грустно.

– Поговори с ней, может, простит.

– Да боюсь я с ней связываться теперь. Хрен ее знает, что она еще выкинет!

Само собой, я понимала, как несладко сейчас Пухову, но помочь ему ничем не могла. Вмазал человек водки и ушел домой.

Вот такая печальная история. Даша так от Федора и ушла насовсем. Откровенно говоря, я думала, что они все-таки помирятся. Федор тогда пил сильно, с работы вылетел. Он раньше грузчиком в магазине работал, это потом в сантехники пошел, чтоб квартиру получить. С первой женой он разменялся и оказался в нашей коммуналке. Я, честно говоря, офигела, когда его здесь первый раз увидела. Но мир, как известно, имеет форму чемодана. Вот и столкнула нас жизнь с Пуховым по новой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОСТАЛЬНЫЕ

Ладно. Дальше по списку идет Сазон. То есть зовут-то его Юркой Сазоновым, но все привыкли его Сазоном звать. Наташка, жена его бывшая, его так называла. Он сам родом из-под Пензы, деревенский. В армию сюда, в стройбат, загремел, познакомился с Наташкой, женился и остался. Наташка прописала его к себе, чтоб он мог у метро беспрепятственно пельменями торговать, менты ж дергают за одно место иногородних без регистрации. Они через пару лет разбежались и разменялись, оттяпал наш Иванушка-дурачок у Царевны-лягушки законную жилплощадь и оказался в нашей квартире. Война у него с бывшей тещей по сей день идет из-за этого размена. Оно и понятно, она ж квартиру двухкомнатную эту своим горбом заработала, а теперь оказалась с дочерью в однокомнатной, потому как комнатенку одну Сазон себе «по закону» через суд оттяпал. Теща-то хоть войну и ведет, по инстанциям ходит, жалобы пишет, а Сазон своего добился, ему теперь начхать на все и на всех. Пельменями и печеньем, кстати, до сих пор торгует на рынке, и неплохо себя при этом чувствует, в смысле финансов. Да и вообще, положив руку на сердце, не нравится он мне. С червоточинкой парень. Без совести и без принципов. А может, просто воспитания элементарного не хватает. Не мне судить, конечно. Мне и самой-то до манер английской королевы – как до Ки-

тая пешком. Но Сазон – беспредельщик порой полнейший. Оно понятно, некому было в его голову вбивать, что хорошо, а чего не надо. Мать у него померла, когда рожала, а отец после пить начал до зеленых чебурашек. Бабка Сазона воспитывала. Она к тому времени, как Юрке родиться, уж старая была, годов под семьдесят. А уж дремучая такая, каких поискать. Газ проводить в дом отказалась, боялась. Да что газ, – Сазон в десятом классе учился, когда уговорил ее электричество в дом провести, чтоб магнитофон слушать. Бабка считала, что лампочка под потолком – баловство и пустая трата денег. Сама свечки катала из сала. Кошмар. Вот вам и расцвет прогресса в двадцатом веке! Читать-писать, кстати, бабуля Юркина тоже не умела. Когда пенсию получала, в ведомости крестик ставила. Ей теперь уж почти сто лет. Сазон надо мной ржет, когда меня с книжкой видит. Говорит, что его бабка ни одной буквы не прочитала, поэтому и жива до сих пор. Я, конечно, понимаю, что Сазон слаще морковки ничего в жизни не пробовал и внушить ему что-то помимо того, что у бабы под юбкой находится, было попросту некому. Но ведь и самому себя воспитывать нужно, у людей учиться. Из деревни-то своей он уж лет десять назад уехал, мог бы и поумнеть немного. Не хочет. Доволен и так. Как дебил. Деньги есть, хохлушек веселых на рынке полно, – чего еще надо!

Не люблю я его. Сначала ровно к нему относилась. Муж подружки он и есть муж подружки. Он просто есть. А уж

когда Натаха с ним разводиться надумала, тут-то он и показал себя. По всем подругам Наташкиным пробежал и нажаловался на нее. Дескать, жуткая баба ему, бедному-несчастному, попалась: кормит плохо, денег на сигареты не дает, по мужикам бегает, да еще и, пардон, задницу редко моет. Я после его возлияний взбеленилась, с матюгами выгнала. Почти год я его не видела. А потом Пухов ему с разменом помог. В нашей квартире тогда старушечка жила, старенькая совсем. Она задумала с детьми своими съезжаться, чтоб под присмотром быть, тут и Сазон подвернулся со своим разменом. Я офигела, когда увидела, как он вещи свои перевозит. Подбросил Бог соседушку.

В тот же день смешная история с ним приключилась. Опять же из-за его безбашенности. Ко мне Витька в гости заехал. Сазон на кухне сидел, новоселье отмечал с Пуховым. Витек к ним присоединился. Поддали. Пухов спать чуть погода пошел, сломался. А эти два орла захотели подвижных игр и всяческих развлечений. Понесло их в Москву, на ВД-НХ, да не просто так понесло, а на роликах кататься! Вернулся Витек один. Почти трезвый.

– Где твой друг? – спрашиваю.

– В ментовке, – говорит, а у самого аж слезы от смеха выступили.

– В вытрезвителе что ли?

– Не, он политический. За возмущение общественного порядка загремел.

– Подрался? – мне любопытно стало.

– Нет. Даже к бабам не приставал.

И поведал мне Витек такую историю.

Катались эти балбесы на роликах, никого не трогали, ничего больше не пили, кроме кока-колы. Присели на лавочку отдохнуть. Сазон сказал, что скоро вернется, и устремился к синенькой кабинке. Заплатил бабушке три рубля и заперся в уединении. Не учел он двух важных факторов, нет, даже трех. Во-первых, трезвым его назвать было еще нельзя. Во-вторых, роликовые коньки оказались нетвердой опорой. В-третьих, задвижка на пластиковой дверце – приспособление скорей декоративное, символическое, просто для того сделанное, чтоб дверь не распахивалась. Выдержать Сазоновские девяносто килограмм (с ускорением роликов) хлипенькая задвижечка отказалась. Вот и вылетел наш красавец в толпу гуляющих, роняя дерьмо. Само собой, на это представление не только зеваки сбежались. Ментов на ВДНХ всегда навалом.

Вернулся Сазон через три дня. Злой, как собака. Я не стала ему говорить, что знаю о его приключениях. Хрен бы с ним. Вот такой сосед у меня, никуда не денешься.

Самая большая комната в квартире моя. Тридцать метров почти. Моя комната смежная с Пуховыми, но войти в нее можно двумя способами, либо через них, либо из коридора. Через Пуховых ко мне проникнуть сложно, поскольку я эту дверь загородила здоровенным дубовым шкафом. Это

сокровище мне в наследство от двоюродной тетки досталось вместе с комнатой. Тетушка моя старенькая померла у меня на руках, некому больше за ней было ухаживать, вот я и ездила. Комната ее мне совсем ни к чему была, я даже расстроилась, когда узнала, что тетушка ее мне завещала. Лучше, на хрен, совсем без наследства, чем при наших законах весь этот геморрой пройти, вступая в права наследования. Врагу не пожелаешь. Но, так уж склалось, что комната мне все-таки пригодилась. Я уж ее продавать собралась, а тут мы с мужем разводиться надумали. К маманьке возвращаться мне совсем неохота было, вот я от Витька и переехала на свою законную жилплощадь. Отремонтировала комнатенку, обставила частично, и живу теперь одна в свое удовольствие.

Люська, еще одна моя соседка, поступила ровно наоборот. Она замуж вышла и переехала к мужу, а комнату свою сдает какому-то мужику, которого никто толком не знает. Да он и не живет там почти. Приедет раз-другой за целый месяц, переночует и опять уедет. Делать ему нечего, такие деньги платить за то чтоб две ночи переспать! В гостинице не может остановиться что ли? У богатых свои причуды, как говорится. Оксанка как-то у Люськи спросила, как мужичка этого зовут-то хоть, все ж таки видный он такой из себя, машина у него не самая хреновая, «мерин» трехсот двадцатый, (а чего, девку понять можно, ей замуж хочется), так Люська, кошелка, только глазами хлопает. «Откуда, – говорит, – я знаю. Я, чего, у него паспорт требовала!» Я ей говорю: «Интерес-

ное кино... Как же ты ему комнату сдала, а паспорт не спросила? А если он завтра вынесет у тебя все на хрен из комнаты, где его искать?» Люся помолчала и ответила, что не вынесет, потому что дома всегда кто-нибудь из нас есть. Во какая Манда Иванна! Она будет жилье сдавать неизвестно кому, а мы всем колхозом ее имущество охранять! Ну, ладно, хрен с ней, с Люськой. Короче, так и не узнали, что за мужчинка ничейный у нас под боком отирается. Вот такие у меня соседи. Как и было сказано, живем мы дружно, несмотря на то, что у каждого свои чебурашки в голове, так у кого ж их нет? Нас уже ни один суд не разведет, все у нас общее, и беды, и радости. Это я все к тому веду, что все гулянки у нас тоже проходят вместе.

Короче, собрались мы Новый год отмечать. Нервотрепка, скажу я вам, жуткая. Всю жизнь зарекаюсь брать на себя ответственность за чужие деньги, и всю жизнь нарываюсь на выполнение каких-то поручений с ними связанных. Вот и теперь все это отмечание вышло мне боком. А чему удивляться-то? Как будто первый раз! Схема моего попадания ногами в жир такая. Собираются бабы на кухне, чтоб обсудить, как отметить праздник. Составляем список блюд, потом список продуктов, из которых эту всю хрень приготовить надо. Список составляется очень долго и очень шумно, потому что каждая старается впихнуть в меню то, что любит ее мужик и вычеркнуть то, что, соответственно, он не любит, а вкусы-то у всех разные! Спорим сидим до поси-

нения, а в результате сходимся на стандартном наборе: салат «Оливье», мясо по-капитански, колбаска, холодец и «хреновин всяких прикупить у корейцев». Я в этих спорах, само собой, тоже участвую, но с моим мнением мало кто в этот момент считается. Мой звездный час наступает потом, когда решается общим голосованием кому же поручить закупать продукты. И тут-то начинаются переводы стрелок на Варю. Варя мясо умеет выбрать, Варя на рынке может поторговаться, Варя знает, где подешевле, и т. д. и т. п. Даже выбор водки умудряются спихнуть на Варю! (А Варя, промежду прочим, водку не пьет. Совсем. Пиво Варя любит. Вот). Потом начинается процесс «скидывания». Это вообще тягомотина. У кого-то зарплату задерживают, кто-то баксы из кубышки менять не хочет, кому-то займы надо, жуть, короче. В конце концов и это заканчивается, и я, зажав в потном кулачке полный кошелек чужих и своих денег бреду на рынок с кем-нибудь из мужиков, потому что допереть такие сумки до дома одна не в состоянии. А мужиков-то тоже уговорить надо! В результате оказывается, что цены на рынке перед праздником взвинтили, и в бюджет я не укладываюсь никаким боком. На свой страх и риск добавляю свои кровные, заранее зная, что назад они ко мне больше не вернутся. И так я попадаю из года в год, уже смирилась.

В этот раз все тоже шло по стандартной схеме. Тридцать первого декабря мы с Оксанкой с утра начали шаманить с продуктами. Наготовили на тридцать три дурных, но это

и неплохо, первого января жрать тоже чего-то надо. Любка Пухова тоже на кухню приперлась, подбоченилась, закурила свою манерную сигаретку коричневую. Лучше уж совсем ничего не курить, чем гадость эту: трава травой, не накуришь-ся, только воздух испортишь ментоловым дымочком. А Любке этот дешевый выебон дороже собственного удовольствия. Стоит красotka кабаре в своем халате байковом на одной пуговице, голова покрыта бигуди алюминиевыми (говорила я ей, чтоб не уродовала волосы, купила пластиковые, не слушает) и портит людям настроение.

– Я свой хрусталь не дам под шампанское, прошлый раз два фужера разбили, пришлось новый комплект покупать, – и на меня смотрит подозрительно.

– Меня, Любань, прошлый раз с вами не было, не надо так на меня смотреть, – отвечаю.

– А ты тут и ни при чем. Это Вася Шляпин постарался, у него ж вечно не понос, так золотуха.

– Ну, елы-палы, Люб, это ж ребенок, чего ты хочешь от него, – сама даже не смотрю в ее сторону, картошку чищу, уж больно морда у нее ехидная.

– За ребенком смотреть лучше надо, – Любка картинно выпустила колечко дыма.

– И чего? – цежу сквозь зубы.

Против такого железного аргумента Любка устоять не смогла, затушила свою лучинку и потрюхала к себе.

– Вот овца декоративная! – прошипела Оксанка.

– Ладно, брось, Ксюх, не слушай ее.

– Знает ведь, скотина, что не на что мне ей хрусталь этот гребаный покупать, а то б заткнула ей глотку, пусть подавится. Вот уж Витек твой ее правильно окрестил – Кабуча. Слово такое хорошее. Откуда он взял-то его только?

– Да анекдот такой есть. Приходит как-то мужик-алкаш домой и с порога на женины вопли выдает ей это самое слово заплетающимся языком. Жена задумалась, порылась в словарях всяких-разных, нашла. На языке людоедов племени ням-ням слово «кабуча» означает «любимая». Баба духом воспряла, дом выдраила, обед праздничный забабахала, мужа ждет. Тот приходит с бодуница домой и не въедет, в чем дело. Она ему объясняет, что она старалась, потому что он ее любимой назвал. «Когда это?» – мужик говорит. Жена: «Ну, вчера ты же сказал «кабуча». Он и отвечает: «Кобыла ты ебучая!»

– Класс! – хохочет Оксанка. – Молодец Витек. Юморной мужик.

– Юморной мужик сегодня в гости приедет.

Вот так вот слово за слово, кое-чем по столу, мы с Оксанкой добрались до конца наших бдений на кухне. Мужики, правда, успели нас задолбать беготней к мискам с салатом, всем попробовать хочется, с утра не жрамши. Мы их быстренько спровадили столы двигать, а сами марафет пошли наводить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. НОВЫЙ ГОД, ЁЛКА

Ближе к ночи, часиков в десять, Витек приехал, да еще и не один. Жору с собой приволок. Жора его старый приятель по боевой юности, – вместе когда-то в палатке продавцами работали, Витек тогда прогорел, а Жорик, армянская его душа, до сих пор торгует чем-то. Когда Жора в Москву только приехал, по-русски почти не говорил, а теперь ничего, лопочет почти без акцента, а всего-то лет семь-восемь прошло. Любка до сих пор от своего говорка отделаться не может, а уж лет пятнадцать в Москве, вечно у нее «скзала» да «у вкзала»... Про Сазона я вообще молчу, этот как загнет чего-нибудь по-своему, по-бразильски, хоть стой, хоть падай. Хрен с ними, как хотят, пусть так и разговаривают, это так, к слову пришлось.

В общем, веселенькая у нас подобралась компания. Мужиков в таком составе собирать вообще-то нельзя, нажрут, сволочи, обязательно. Ну, раз уж собрались, не разгонять же их. Сели за стол, выпили-закусили, проводили старый год, и понеслась гулянка. Жора, как обычно, тостами кавказскими сыплет направо и налево, барышням подмигивает. Вот с этих-то несчастных тостов все и началось, как мне, по крайней мере, кажется. Не помню, кто сказал, что «слова это камни», но сказал этот товарищ верно. Сглазили мы своими чер-

вивыми языками в ту новогоднюю ночь свое спокойное существование. Дело было так. Встает очередной раз Жорик (уже нетвердо) со стула и произносит тост: «Я хочу выпить за то, чтоб в этом году на нас в темном переулке напали деньги и мы от них не смогли отбиться!» Все радостно закивали, мол, неплохо бы. И тут же понеслись базары на тему «если бы да кабы»...

– Слышь, Витек, а ты бы чего сделал, если б чемодан с баксами нашел? – Сазон уже теплый, раз такие вопросы задает.

– Казино задавил бы бабками, – сел Витя на любимого конька. – Бесконечно богатый человек может выиграть в казино. Если бабок много впендюрить, можно хорошо приподняться.

– А че, лохам не везет? – хохотнула я.

– Ну, почему... Иногда везет. Редко, но везет. У нас тут один мужичок пришел, разменял тысячу рублей, играл скромненько по минимуму. Утром ушел с полторашкой баксов в кармане.

– Че, полторы штуки баксов выиграл? – удивляюсь.

– Да. А ты, Варюх, что бы сделала, если б чемодан нашла, – Витек хитренько щурится.

– Отдала бы тому, кто потерял.

– Ты больная что ли? – фыркает Любка Пухова. – Серьезно?

– Абсолютно.

– Деньги не нужны, мать Тереза? – Любка смотрит на меня

с нескрываемым презрением.

– Нужны. Не до такой, правда, степени, чтоб на чужих костях их хапать.

– Почему «на костях»? Тебе ж толкуют, если найти вдруг бабуськи, а не убивать, не грабить, – кипятится Сазон.

– Вдруг, Юрик, бывает только пук. Если кто-то потерял такие деньги, значит, потерял не по своей воле, и даже, возможно, не свои. Соответственно, кому-то за это отвернут голову. Радости мало от таких денег.

– Значит, отдала бы? – смеется Витек.

– Отдала бы, – вздыхаю.

– Молодец, честная девочка! Я бы ни в жисть не отдал, – вставляет слово Федя Пухов, – мне б такой чемоданчик, уж я бы своего не упустил.

– Че б ты сделал, Федор, – не отстают Сазон.

– Хату бы купил, а то пятый год уже очереди жду. Дом вроде построили, ордер без пяти минут в руках был. Отдали наши квартирки. Офицерам из Чечни. Я-то чего, не в обиде, Любка, правда, злилась. Подбивала жалобу написать, а у меня рука не поднялась... Дешево еще государство отделалось. Подумаешь, квартиры дали! Люди там так настрадались, никакие квартиры в радость не будут...

– А ты-то тут причем, недоделанный? – Любкино лицо пошло красными пятнами, нехороший признак.

– Люб, ну, че ты, че ты? – примирительно забормотал Федя. – Это ж в прошлом уже.

– Ага!!! В прошлом! А будущее мое теперь – вот этот вот клоповник! Спасибо тебе, добренький мой Федя! Пусть теперь в нашей квартире чужой дядя живет, портянки свои сушит! – Любка завелась не на шутку, да и выпила прилично.

– Знаиш, – как тебя? – Люба, – подал голос в сосиску уже пьяный Жора. – Я на тебе жынюс!

Лица присутствующих начали медленно вытягиваться, в том числе и Федино. Уж он-то точно такого поворота не ожидал. До меня начало медленно доходить, что Жора никого за этим столом, кроме меня и Витьки не знает, поэтому попутать мог смело, тем более в таком состоянии. Жду дальнейших событий. Любка первая пришла в себя и с плохо скрываемым удовольствием посмотрела на Жору. (Вот кошка драная, никогда случая не упустит свои свинячьи глазки кому-нибудь состроить, пусть даже и Жоре).

– Жынюс! – уже более торжественно заявил Жора. – Ты мне никогда не изменишь, я знаю!

– Хля! Во ярик хорош! Это почему это? – Любка была явно озадачена таким поворотом дела.

– Да кто ж тэбя, такую страшнэнькую, ебать-то будэ-эт! – Жорино лицо было абсолютно непроницаемым, даже я не поняла, шутит он или говорит серьезно.

– Ну, все, – вздохнул Витя, – пиздец котеночку.

Любка минут пять хватала ртом воздух, я даже испугалась за ее здоровье, мало ли, может, астма у человека или еще чего... Федя встал из-за стола в гробовом молчании, хватил

Жору за шиворот и выволок за дверь. Жора даже не сопротивлялся, ничего кроме откровенного испуга его бархатные армянские глаза не выражали. Впрочем, небольшой диалог у них все же был.

– Ты чего, брат? – прошептал Жора.

– Ничего, я – муж, – Федя кивнул на Любу. Жора как-то сразу обмяк и послушно засеменил на подогнувшихся ножках к выходу, поддерживаемый Фединой могучей рукой. Люба, «как каравелла по зеленым волнам», удалилась в свою комнату. Федя вернулся и, не обнаружив своей половины, распрощался. Из-за двери в пуховскую комнату еще долго доносился Федин бубнеж, видать Любка не на шутку обиделась. Правда, Федя-то тут причем? Витек приобнял нас с Оксанкой за плечи и предложил прогуляться «к елочке». А чего б не сходить-то? Народ гуляет, и мы будем. Водки взяли, шампанского, и пошли. Сазон с нами не пошел, ему утром рано на рынок надо было, «точку» с товаром выстав- лять, продавцов похмелять, дел, короче, по горло. Я, конечно, разозлилась немного, потому как бардак-то мне разгре- бать и посуду мыть тоже мне, ну да ладно, мне не привы- кать. На елке народу – прорва, все пьяные, само собой. Вить- ка Деда Мороза водкой напоил, это его одноклассник в шу- бу нарядился, чтобы на халяву нажраться, в общем, весело мы погуляли. Домой вернулись уже часа в три ночи, посу- ду по быстренькому убрали, и спать легли перед телеviso- ром. Под телевизор спится слаще: бубнит себе и бубнит, а все

не так одиноко, я ведь одна еще не очень привыкла жить. Оксанка к себе пошла, я Витьке на диване постелила, а себе кресло-кровать разобрала, поближе к телевизору. «Чародев» вполглаза поглядела и баиньки.

ГЛАВА ПЯТАЯ. «ЧЁРСТВЫЕ ИМЕНИНЫ»

Такой сон мне хороший приснился, прелесть! Как будто я в саду яблоки собираю (яблоки – к исполнению желаний), а помогает мне моя дочка (девочка – к удивлению), хотя детей-то у меня нет пока. Так мне хорошо было, а какой-то паразит начал под дверью орать и меня разбудил. Я глаза продираю, гляжу, а время-то уже о-го-го! Витьку разбудила, ему работать в ночь. Прислушиваюсь, Сазон разоряется, Федя Пухов комментирует. Закуриваю, чтоб не просто так стоять в коридоре, и выхожу к ним. Сазон руками машет, как мельница.

– Не, ну, ты прикинь, Варь, Игнатьевы сгорели! Во выродки!

– За что ты их так?

– Да не их! Пацаны петардами китайскими баловались, одна в окно влетела к старичкам, и пипец! Домик почти весь выгорел, хорошо их дома не было, а квартирант сгорел, ебать через коромысло! Одни угольки остались. Черепушку такую менты вытащили, у меня бабы-хохлушки все печенье обдрили со страху! Торговать некому!

– Какой квартирант-то?

– Да сдавали они две комнаты мужику какому-то. Я его с соседом нашим на рынке видел недавно. Не местный му-

жик. Я токо не пойму, почему его к Игнатьевым понесло. Бабуськи, видать, есть у него, мог бы в гостинице жить или хатенку получше снять, чем дедову самогонку нюхать.

– А дед все самогонку варит? – подал голос Федя Пухов.

– Конечно, а чего ему не варить, он дешевле водки ее, родимую, продает. Влет идет. Я, кстати, пробовал, нормуль, даже похмелья не было.

– У тебя и с одеколona похмелья не бывает, – Любка Пухова, как всегда, не поздоровавшись, вылезла в коридор и встряла в разговор. – Федор, сходил бы в магазин.

– Да, – засуетился Федя, – ща пойду. Никому ничего не захватить?

– Пива!!! – Витька, как раненый вампир, орет из комнаты.

– Ага, принесу. Варь, ты с бабами на стол накрой, посидим, похмелимся.

– Разрешите бегом? Пусть помогают. Оксанка где?

– Она на вокзал поехала, к ней бабуля пожить придет, чтоб за правнуком присмотреть, – Сазон достал деньги и протянул Феде. – Купи, Федор, шампанского мне, я к бабам пойду.

– Они ж у вас там, на рынке, все чесоткой болеют, сам говорил, – Федька ржет. – А ты их шампанским поишь!

– Мне одну не чесоточную Жора обещал подогнать, – Сазон серьезен, как никогда.

– Ну, бог в помощь, – Федька вышел за дверь, на ходу застегивая куртку.

Не знаю уж почему, но первое января мне больше нравится, чем новогодняя ночь. Я вообще по жизни любитель «черствых именин». Здорово сидеть тихо-спокойно у телевизора, «Песню...» смотреть и салатики доедать под пиво. Супер! Краситься-одеваться, опять же, не надо, в смысле, не обязательно. А нажрется кто, так тоже по барабану: новогоднюю ночь уже никто не испортит своим хамством, потому что она уже прошла.

В этот раз у нас получились бы хорошие посиделки, если бы Любка, сучка с ручкой, все не испортила. Неймется бабе. Вот она опять Федьку пилит и пилит. Хреново, видите ли, он за нее заступился перед Жорой. Витька пивка дернул, ему уже хорошо, он еще, дурак, подначивает.

– Надо было, Федор, рога Жоре обломать, зря ты его так отпустил.

– Да, правильно! Рогами его надо было ломать! – кипятится Любка. – Рохля ты, а не мужик! Другие знаешь, как за своих жен рожи чистят!

– Не скажи, Любань, – Витька все-таки встал на сторону Феде. – Слушай поучительную историю. Едет как-то новый русский в купе с женой. Жена у него мало того, что страшна, как жисть моя, так еще и стервища редкая, пилит его, пилит... Сосед по купе ему и говорит: «Слушай, я по профессии пластический хирург. За штуку баксов я могу из твоей жены красотку сделать, может она подобрееет немножко по-

сле этого». А новый русский на него руками замахал: «Тихо, тихо, братан, ща до Ростова доедем, мне ее там братаны за пятьсот пристрелить обещали!»

– А я-то тут причем? – озадачилась Любка.

– Ты? Ты ни при чем, – заулыбался Витек.

– Ну, к чему ты это сказал? – не унимается Любка.

– Да отвали ты, кабуча, просто так я анекдот рассказал.

– Сам ты это слово. Я ему про Фому, он мне про Ерему.

Вить, ну, скажи, ты б за Варьку заступился?

– Само собой.

– Ну, вот! А этот импотент с плоскостопием плевать на меня хотел! На хрена я вообще за него замуж выходила! А ведь какие мужики ухаживали...

Про мужиков Федя не дослушал, молча встал и вышел. Хлопнула входная дверь. Любка взметнулась из-за стола, как анаконда, и понеслась за ним.

– Ну и вали на все четыре! Плевок майонезный!!! – донеслось с лестничной площадки.

– Любк, хватит буянить, – это Оксанка приехала наконец-то со своей старушкой.

– Да пошла ты! – Любка полетела в свою комнату, и больше в этот вечер мы ее не слышали.

Ну, почему, едрена-макарона, люди не могут жить в мире и спокойствии?! Ну почему обязательно собачиться по каждому поводу и без него? Как же они мне надоели! Ведь не поругайся эти придурки в тот вечер, ничего б не было и все

жили бы спокойно, а так...

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРОПАЖА

Пять дней Федьки не было. Любка ходила, задрав нос, ни с кем не разговаривала. Типа феминистка: бабы сами по себе и без мужиков проживут. Не вынесла душа поэта, в смысле Любкина, на шестой день забеспокоилась, но виду вроде не подает, но я-то знаю, слышу, как она сопит за дверью, телевизор даже не смотрит. Для Любки пропустить очередную серию какой-нибудь «Мануэллы» – потеря невыносимая, а тут – молчит телевизор. Всем было интересно, где ж Федор наш обитает, но с Любкой заговаривать никто не решился. Я, в конце концов, плюнула на приличия и стукнула соседке в дверь.

– Любка, ну-ка открой на минуту, дело есть.

– Чего тебе? – Любкина испуганная физиономия высунулась в коридор.

– Федор где? – я оттеснила Любку плечом и проникла в пуховскую комнату.

– Не знаю... А зачем он тебе?

– Нужен по делу, – я еще не придумала, что ей ответить на этот вопрос, но Любку, похоже, это мало волновало. – Когда хозяин будет?

– Откуда я знаю? Эта сволочь как уперся тогда, так и нет его, пусть, скотина, побомжует до конца отпуска, явится потом, козлина вонючая!

– Так ты, чего, не знаешь, где он теперь? – удивлению моему не было предела.

– Не-ет, – Любка увидела мое вытянувшееся лицо и тоже озадачилась. – А чего?

– Да как ты так можешь?! Может его в ментовку загребли или еще чего похуже! Родной же мужик! Ты чего, кулема, на жопе-то сидишь, искала б его что ли!

– Да чего с ним будет-то? Денег у него с собой нет, не ограбят, не убьют. Явится, никуда не денется.

– Сейчас и просто так грохнуть могут за здрастье... Тьфу, не дай Бог! Хоть по друзьям позвонила бы!

– Ладно, позвоню, но я скажу, что это ты его ищешь, а не я.

– Детский сад какой-то... Чего хочешь, говори, главное, удостоверься, что мужик живой – здоровый.

Через часочек Любка вышла вразвалочку из комнаты и села к телефону. Мы с Оксанкой сидели на кухне и пили чай с пирожными. Васька от чая отказался, с бабушкой сидел. Этот ребенок теперь бабке целыми днями не дает покоя, требует страшилок. Бабка имела дурость рассказать внуку про каких-то там деревенских колдунов или другую какую дребедень, ребенок увлекся и достает теперь бабушку с утра до вечера. Оксанка еще кошку завела, так что ребенок теперь при деле: либо бабка под раздачу попадает, либо кошка ни в чем не повинный. Я краем уха прислушивалась к Любкиному трепу. Пропадает в человеке артист. Звонит Любаня очередным своим знакомым и томным голосочком, как бы

между прочим задает вопрос: «Ле-енк, а мой-то не у вас сейчас? Ушел куда-то, зараза, третий час нету!» Наконец, Любка отлипла от телефона и притопала к нам. По своей давней привычке (идиотской, кстати) хлебнула из моей чашки чайку и угнездила свою недвижимость на табуретку. Мы с Оксанкой молча уставились на нее, ждем, может, чем порадует. Сигарету выдернула из пачки, закурила и молчит, глядя в пол.

– Ну?! – меня начал раздражать этот театр одного актера.

– Нет его нигде, – шепчет Любка, я гляжу, а у нее глаза на мокром месте.

– Всем позвонила?

– Всем, больше некому звонить.

– А на работу?

– Так в отпуске он. И чего ему, скоту, не хватало?! – неожиданно зло крикнула Любка, швырнула недокуренную сигарету в пепельницу и убежала к себе в комнату.

Мы с Оксанкой переглянулись. Я так чувствую, у нас обеих на рожах было написано чего, конкретно и вообще, Федору не хватало с евонной супругой. Я поняла, что от разговоров нужно уже переходить к действиям, а то, мало ли чего с соседушкой случилось. Пришел мой черед к телефону топтать.

– Кому звонить-то собралась? – Оксанка любопытствует.

– Угадай с трех раз. Ментам, кому ж еще!

– Так это Любке идти надо, заяву катать.

– На фига? Я Лехе позвоню, одноклассничку своему.

Пришлось копаться в записной книжке, номер Лехин искать, давно не звонила. Леха был на дежурстве, пришлось у его жены выцарапывать служебный телефон и звонить ему на работу, что, оказалось кстати: он быстренько выяснил, что Федор, по крайней мере, не у них в обезьяннике и, слава богу, не в морге. Пару мыслишек дельных я у него вытащила, хоть мент он и в Африке мент. К тому времени, как я закончила свою болтовню, в кухне уже народ кое-какой собрался, так что было с кем поделиться своими соображениями: Сазон приперся, бабуля Оксанкина вышла внука кормить.

– Ну, че, жители Вилларибо и Виллабаджо, давайте решать, где нашего Федора искать.

– Какого Хведора? – баба Дуся наливает Ваське суп.

– Соседа нашего, Любкиного мужа.

– Да пес его знае, куды он делси, – ворчит.

– Есть у меня один вопросик, к тебе, Юрик, – говорю Сазону.

– Н-ну.

– Не нукай, не кобыла... Ты мне вот чего скажи, бабы-то у Федора не было случайно?

– Не, вряд ли. На хрена? У Любки во какая срака толстая, Федору за глаза, – и тычет пальцем в календарь, который у нас над столом пришпилен. – Любка у нас эт-та, – читает, – Венера Милос-с-ка-я! А хля, похожа как! – ржет.

– Угу, токо руки отшибить, – бубнит Оксанка.

– Кончайте цирк, придурки, я же серьезно спрашиваю. Леха мне сказал, что в ментовке заяву могут не принять, скажут, к бабе другой от жены сбежал, тем более, они поругались.

– Да нет у него бабы, Варек.

– Ну, где тогда он может быть? Не в подвале же он ночует! Любка всех знакомых сегодня обзвонила, нет его нигде.

– Да от нее не только в подвал, вообще неизвестно куда сбежать можно! – Оксанка завелась.

– Тише ты, не ори так, услышит.

– У нас у сяле мужик один тож с бабою своей пособачилси и убяжал от нее на погорелки, пил там, собака, няделю мож, а мож и боле, – тихонько забубнила баба Дуся.

– Федор-то наш тоже, наверно, на погорелки побег, – гогочет Сазон.

– А чего, это мысль, – я встрепенулась, – надо проверить.

– Ты о чем? – Оксанка аж чаем подавилась.

– Об Игнатьевых, вернее, об их фазенде. Домик-то не весь сгорел, вовремя потушили, почти полдома целехоньки. Вот так, ребятки.

– Ты совсем обалдела! Че ему там делать?

– Ты не слышала, чего баба Дуся сказала? Чего-чего! Водку жрать, вот чего. Короче, я собираюсь и иду на проверку, кто смелый, может со мной прогуляться.

– Мудаков нет, – брякнул Сазон.

– Мудаков всегда навалом, – я так на него глянула, что все

сразу поняли, кого я имею в виду. – Ладно, одна смотаюсь, не развалюсь.

– Иди, если тебе делать нечего, – бурчит Оксанка.

Я бодрым шагом пошла одеваться. Ничего, ради такого случая можно и прогуляться, идти все равно не далеко. Поздно уже, правда, ну да ладно, меня здесь каждая собака знает, не убьют по дороге, надеюсь. Ну, разве что маньяк какой попадется... А впрочем, мы барышни крепкие, любого маньяка сами так заманьячить сможем, пожалеем, что на свет маньяком появился.

Быстренько я добралась до Игнатьевского домика, остановилась перед калиткой, стою и думаю, как мне пролезть по снегу к дому, гляжу, а там дорожка аккуратненькая протоптана. Побрела по дорожке к дому. Сдуру вспомнила Юркин рассказ про обгорелый труп, который там нашли, меня аж передернуло, я ж живой человек, мне тоже страшно бывает. Думаю, не буду по развалинам шататься, пойду сразу в ту часть дома, которая не сгорела. Там даже одно крыльцо сохранилось, дом-то раньше на двух хозяев был, с двумя входами с разных сторон. Дверь подергала, а она закрыта. Кто же ее запереть-то додумался, интересно, менты что ль? Приезжали же вроде... Собралась было домой идти, как мне почудилось, что в доме кто-то ходит. Света, само собой в доме нет, проводка гавкнула, а в темноте кто-то шляется! Опять думки о покойниках в голову полезли, я уж думала деру дать оттуда, слышу, поет кто-то и голос до тошноты знакомый.

Громыкнула сапогом в дверь.

– Федь, открывай! Напугал до смерти!

– Варь, это ты? – Федька и сам испугался.

– Нет, насрали... Открывай, говорю.

– Ты чего здесь делаешь? – Федор отодвинул засов и пропустил меня в дом.

– А ты чего здесь делаешь, любезнейший? Водку жрешь? – перегаром от Федьки несло не по-детски. – Шел бы домой, че ты как пацан себя ведешь.

– Ага... Опять к этой...

– А дальше чего делать будешь?

– Поглядим. Не пойду я домой, Варюх, тошно мне там.

– А кому сейчас легко... Ты хоть жрал чего?

– Откуда? Денег-то нет.

– На водяру, значит, есть?

– Не-е, это мы с Иванычем в гараже три дня квасили, он ставил. А здесь я недавно, второй день всего.

– И как?

– Везде люди живут.

– Ладно, Федор, я могу тебя понять, в смысле Любки, но так тоже нельзя. Ты чего здесь навеки поселиться собрался? Хозяева приедут, выпрут тебя отсюда.

– Пусть. Домой все равно не пойду.

– Да разведись ты с ней, если жить не можете по-человечески! Ты мужик еще молодой, найдешь бабу нормальную, без заходов.

– А Любка? Куда ее? Комнату ведь не разменяешь.

– Откуда явилась, туда пусть и отправляется, большая проблема.

– Да не, нельзя так, Варь.

– А в говно тебя втаптывать на глазах у изумленной публики можно? Мужик ты или нет, в конце концов!

– Да я уж сам не знаю, кто я есть... Плохо мне, сестричка, ей-богу.

– Да уж вижу. Ладно, пойду я. Ща Сазона пришлю к тебе, он пожрать притащит.

– Любке не говори, где я.

– Ага, разбежался. Пусть ей, заразе, стыдно будет. Скажу обязательно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ГДЕ ТЫ, ФЕДЯ?

Домой я летела на крыльях. Еще бы! Как бы там ни было, а Федор все-таки нашелся, живой – здоровый. Захожу, а эти халявщики фестивальные сидят в кухне, лясы точат.

– Сидите, значит? – говорю.

– А че еще делать-то? – Сазон сидит и жрет чего-то.

– Тебе-то я сейчас мигом дело найду.

– В чем дело-то, объяснить можешь? – Оксанке интересно стало, чего это я влетела, как буревестник, можно подумать, не знает, куда я ходила.

– Федя нашелся. Иди, Юрок, ему пожрать отнеси и свечек, что ли, а то у него там темно, как у негра в одном месте. Вот, шей ему отнеси, я колбасы отрежу... Оксан, у тебя хлеба нет? Я сегодня еще не ходила.

– Постой, расскажи сначала, где ты его нашла-то? – Оксанка от новостей таких ошалела.

– Где искала, там и нашла, на погорелках. Сидит там в темнотище, страдает с перепоя. Юрик, ты ему пива купи, что ли, а то уж больно жалкий он, пусть здоровье поправит.

– Ну, блин, сосед дает! – сияет Сазон. – Бомжует, значит?

– Ничего смешного, между прочим. Я его уговаривала домой вернуться, он не хочет. Может, одумается через пару дней и придет все-таки... Пойду Любке скажу, где ее благоверный обретается.

Сказала, блин. Этой дуре, хоть говори, хоть кол на голове теши. Ей говорят, что мужик от нее на край света готов свалить, а ей хоть бы что. Я б со стыда сгорела. Наверное, я никогда в ее политику не въеду. Неплохо бы ей самой разобратся, чего она от жизни хочет и от мужа своего. Вышла я из ее комнаты, как говном облитая, хреново, когда тебя не понимают. Всегда так: хочу как лучше, а получается хрен знает чего. Может, и не надо мне было в это дело лезть, пусть бы сами и разбирались, но Федька-то там голодный в этом бомжатнике сидит. Родной сосед все-таки.

Пошла я к Оксанке. Сели мы с ней, лимончик порезали и вмазали коньячку, который мне клиент один презентовал. Посидим, думаем, Сазона дождемся. Может он Федьку по-своему, по-мужицки, уговорит вернуться. До двух часов ночи мы сидели, так и не дождались. Часов в двенадцать соседка наш пропащий появился, который в Люськиной комнате живет. Он, наверное, ошизел от наших базаров, пока в кухне кофе себе варил. Мы его пригласили на оставшийся коньяк, а он неожиданно согласился и даже принес еще чего-то выпить, не помню, правда, чего. Обычно он даже не здоровался почти никогда ни с кем, а тут, надо же, едрена-макарона, примкнул к компании. Я тогда подумала, что он на Оксанку глаз положил. Оксанка довольная, сияет, как новый гривенник, но такую чушь несет! Можно подумать, мужику интересно про Федьку слушать! А он такой вежливый весь из себя, так слушает внимательно, поддакивает, во-

просы даже задает, куда деваться! Вот с ним и просидели мы до двух ночи. Сазон, думаем, и не придет сегодня, не иначе опять по бабам подался, ему ж вечно его стручок покоя не дает. Так и разошлись спать по комнатам.

Утром Юрик появился никакой, в сосиску просто. Мы с Оксанкой пытались его выспросить насчет Федьки-то, а он совсем лыка не вяжет. «Федор, – говорит, – спит, я ему печку натопил, он щей нажрался и заснул, а я к бабам пошел». Сколько они, скоты, выпили, нам узнать не удалось. Ладно, думаю, я чуть попозже прогуляюсь сама, проведу Пухова.

Весь день у меня был забит. Моталась по клиентам, как бобик помойный, не до Федора мне было, если честно. На другой день, к вечеру, Витька приехал, с ним мы и побрели на погорелки к соседушке моему, чудотворцу хренову. Заходим в дом, а та-ам! Все, что можно было разворотить, все разворочено, черт ногу сломит. Даже в этой темнотище понять было можно, что Федором там и не пахнет. Витька предложил за фонариком сбегать, чтоб посмотреть все как следует, а я вспомнила, что Сазон Пухову свечки отнес, надо только их найти. Первое, что нам в глаза бросилось при свете свечки, которую мы все-таки отыскивали, это здоровенные часы напольные. Старинные, почти до потолка высотой, а главное – так покоцанные топором или еще чем, что сначала даже непонятно было, что это такое за предмет. А вокруг бутылок из-под водки штук десять, наверное. Ну, думаю, сволочи, нажрались, устроили здесь непонятно что.

На хрена все ломать-то было! Ворчала я, ворчала, бродила, спотыкаясь, по развалюхе этой, а Витек мне и говорит:

– Не нравится мне это, чего-то здесь было не то...

– А чего «не то», если нажрались они здесь, как свиньи, и устроили... Подрались, может?

– Вряд ли. Посмотри, Федька здесь спал? – Витька показал мне на топчан.

– Вроде здесь, больше, кажется, и негде.

– На фига было топчан рубить топором, на котором спишь? Федя до такого не додумался бы даже спяну, он мужик хозяйственный, не стал бы свою единственную кровать ломать. Здесь искали что-то. Посмотри, все разворочено, где могло что-то лежать.

– Тебе бы следователем работать! А Федор куда делся? Кто-то чего-то не нашел и решил Федора пьяного с собой прихватить, чтоб порожняком не мотаться, так что ли? – смеюсь.

– Веселого мало, на самом деле.

– Вечно ты со своей подозрительностью! Почему обязательно должно что-то криминальное произойти? Меньше отирался бы рядом с бандюками, спокойней был бы.

– У меня работа такая. Хватит базарить, давай все, как следует, посмотрим, если найдем что-то, подтверждающее мои подозрения, пойдем к ментам.

– И какие у тебя подозрения?

– Может, они вчера спяну поцапались с Сазоном! Мало

что ли бытовух на этой почве происходит?

– Ты думаешь, что Сазон его убил и съел?

– Да откуда я знаю, что этот деятель спяну может?

– А искали здесь чего? – не унимаюсь.

– Мало ли чего... бутылку, может.

Искали мы с Витькой неизвестно чего еще целый час, не нашли ни хрена, устали только, как собаки последние. Решили посоветоваться с остальными и, в случае чего, отправить Любку в милицию. Когда мы пришли, Сазона дома не было, ушел продавцам зарплату выдавать, а все остальные, в том числе и сосед из Люськиной комнаты (его, кстати, Валеркой звать), сидели на кухне трепались. Любка Пухова тоже присутствовала. Когда мы вошли, разговоры прекратились, а Любка состроила такую рожу, как будто я ей должна чего. Мы с Витькой панику создавать не стали, так, между прочим, сказали, что ходили к Федору, а его не было. Мы не ожидали, что Сазона дома не будет, хотели сначала у него спросить, что вчера произошло. Сазон так и не появился, вызвав у Витьки кучу подозрений. Витьке нужно было в ночную смену собираться, поэтому он заторопился на работу, оставив меня в полном недоумении. Мне что-то не очень верилось, что наши мужики могли до смертоубийства наладиться, хотя, конечно, хрен их разберет, мужиков-то. Решила, буду Сазона караулить, когда б тот не явился домой, и выспросить у него все что можно. К ночи все с кухни разошлись, остался только Валера. Я предложила ему чайку по-

пить, и мы разговорились про Федора. Валера показался мне человеком, внушающим доверие, и я решила с ним посоветоваться, что дальше делать. Про бардак-то в доме Игнатьевых мы с Витькой так никому и не сказали, я решила с Валерой все-таки поделиться Витькиными соображениями, ведь со стороны, как говорится, иногда виднее бывает, а Валера человек почти посторонний, мало ли, может, заметил что странное в Сазоновском поведении. Но Валера ничего не заметил, разве то, что Юрика колбасило сильно, что не удивительно, поскольку тот на ногах давеча не держался. Ладно, думаю, надо будет Лешке позвонить и с ним посоветоваться. Да и Любке сказать не мешало бы, что муж ее исчез в неизвестном направлении, и где его искать, я уже не знаю. А Валерка, кстати, нормальный мужик оказался, по крайней мере, поверить в сазоновские бредни про то, что он киллер, я отказалась. Сазона вообще слушать надо и делить на семнадцать. Конечно, сразу видно, что мужик он темный, явно не на зарплату инженера себе «мерин» купил, но на убийцу точно не похож. Оксанка пару раз выходила из своей комнаты, я ее звала с нами чай пить, а она отказывалась, да еще с такой постной физиономией, что я еле сдерживалась, чтоб не заржать на весь дом. Не понимает, дуреха, что такой мужик, как Валера, мне в голодный год за сто блинов не нужен, подобные товарищи уже пройденный и забытый этап непутевой моей житухи...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. СЛУХИ

Следующие два дня прошли без событий. Спокойно прошли, ну, или почти спокойно. Сазонов появился, но ничего объяснить не смог и на вопрос, куда же делся Федор, никакого вразумительного ответа не дал. Уселся за стол и, нажавшись всего, чем был богат наш холодильник, поведал нам жуткую историю. Он, откровенно говоря, задолбал уже корчить из себя доброго дядю Брюса Уиллиса, который спасает мир. Произошло это приблизительно так.

– На базар, девки, не ходите пока.

– А чего, закрыли что ли? – не поняла Оксанка.

– Война, – вздыхает.

– Ты чего несешь-то?! – я взъерепенилась. – Какая, в задницу, война?

– Я вам, бабы, по секрету скажу, токо вы никому, а то мне канты тады, – Сазон провел рукой по горлу.

– Ну, не томи, говори.

– У нас мужик один на рынке отирается, так полубомж, непонятно кто. Мы его Зюзей зовем. Он из зоны недавно откинулся. Говно, а не мужик, конечно. Ему срок слеганцухи скостили за то, что он сдал остальных по-тихому. Теперь он ментам иногда стучит, если кипеж какой намечается, а они его не трогают, когда он золотишком подторговывает. У алкашей скупает за бутылку, а потом Жорику и дру-

гим чурбанам сдает подороже. Вроде свой, а стукач. Я б ему лапку вырвал и по морде нахлестал бы. Приходит он как-то ко мне, цепь золотую приносит, я заказывал. Сели, выпили... Он мне рассказывает такую фигню. Наши братки местные решили бабусек срубить по легкому. Павлен, ну ты его, Варюх, знаешь, дела имеет с Таджикиком. А Таджики этот малый крутой, его ни один мент в глаза никогда не видел, хитрый, зараза, ни разу не попался, хоть он пол-России наркотой снабжает. Ну вот. Павлен нашел Таджики крутых оптовиков откуда-то из Сибири что ли. Те курьера с бабками прислали, забили стрелу, все приехали: и Таджики мальчишки, и наши, а курьер с бабками не приехал. Как этот хрен, Зюзя, пронюхал про все эти дела, я без понятия, а только ментам он стуканул про эту стрелку. Менты приехали, чурбанов повязали, а наши успели смыться на своей тачке. У чурок машину обыскали, а там нет ни хрена, ни наркоты, ни стволов, зацепиться ваще не за что, даже документы в порядке, пришлось ментам их отпускать. Зюзе, само собой, пи... навалили за дезинформацию. Я так думаю, что наркота у наших в машине была, потому-то они и уехали по шустрому. Теперь Павлен в такой жопе! Прикинь, чурки подумали, что это он их ментам подставил, да тут еще и эти хреновья из Сибири приезжают курьера своего искать. Приехал мужичок с бабками, и нет его. А встречали курьера Павленовские ребята. Теперь разборки на каждом углу, стреляют то тех, то этих, пипец полный. Вот так. А ты говоришь, купаться, – глубоко-

мысленно подвел итог своему рассказу Сазон.

– И чего, мне теперь на улицу не выходить? – спрашиваю.

– Почему?

– На хрена ты нам все это втираешь?

– Ну, я это... Чтоб осторожней вы были.

– Спасибо за заботу, – фыркнула Оксанка.

– Вот вы, бабы, суки все-тки! Я их по-хорошему предупредил, а они ржут, как коровы!

– Ну, вот что я тебе, милый, скажу, – я подбоченилась и посмотрела на этого семафорщика сверху вниз. – Меньше знаешь, крепче спишь, понял? Если у тебя вода в жопе не держится, рассказывай про все эти дела кому другому, а не нам.

Сазон посмотрел на меня, как на ненормальную, дохлебал остатки из своей тарелки и ушел куда-то.

– Ты чего на него так? – у Оксанки глаза по восемь копеек.

– Ничего... Он здесь о таких делах пиздит, а у тебя, между прочим, ребенок.

– И чего?

– И ничего. – Я понизила голос. – Например, Валера твой любимый, между прочим, дома. А кто он такой, ни ты, не я не знаем. Не надо нам о таких делах знать, мы тетки домашние. А этот хрен орет, как труба иерихонская! У нас в Обираловке на одном конце бзднешь, на другом нюхают. Ща подхватит деятель типа Зюзи байку из нашего окошка, не обещься потом неприятностей.

– Да ладно тебе, Варь, сейчас не тридцать седьмой...

– Неизвестно еще, когда лучше было, сейчас или тогда.

– Ой, ну все теперь! Набери в рот говна и плюйся... Слова ей не скажи, – злится, видать, Оксанка на меня за чаепитие с Валерой.

Не стала я с этой малолеткой глупой пререкаться и ушла к себе. Мне вечером надо было к клиентке одной ехать, отдохнуть хотелось заранее. Очень уж эта тетка привередливая. Вечно не знает, чего ей надо, посоветовать просит, а посоветуешь, обхает, короче, дикая тварь из дикого леса. Я решила все-таки из бабьей своей вредности Оксанке надавить на больную мозоль. Пошла к Валере и попросила у него кассетку посмотреть какую-нибудь. Он по телефону сотовому трепался, когда я пришла. Выслушал мою скромную просьбу, не глядя с полки кассету взял и мне протянул. Я еще его спросила, можно, мол, сама себе выберу? Рукой махнул: выбирай. Пошарила я на полке, взяла какую-то кассету, но чего-то название меня не очень впечатлило, надо, думаю, еще какую-нибудь прихватить. Гляжу, а на соседней полке еще стопочка кассет лежит, но не в цветных коробках, а просто в черных. Спросила у Валеры, что там записано, он ответил, что мне неинтересно будет, типа документальных фильмов что-то. Ах ты, блин, думаю, с какого это хрена мне неинтересно будет? Прихватила еще одну из этих черных, пока Валерка отвернулся. Думаю, посмотрю киношку, на диване поваляюсь. Хрен тебе, Варя, не дали. Только я от Валеры вы-

шла, с Любкой Пуховой в коридоре столкнулась.

– Я, Варь, к тебе, посоветоваться надо, – грустно так мне говорит.

– Ну, пошли ко мне что ли.

Заходим с ней в мою комнату, Любка на кресло падает и рыдать начинает. Я оцепенела: никогда ее такой не видела. Трясу ее, мне ж интересно, зачем она пришла-то, да и не люблю я, когда при мне люди плачут. Она начала что-то говорить мне, я ничего понять не могу, кроме того, что у Федьки отпуск кончился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.